УДК [328: 321.01] (321.6+321.7)

ШКЕЛЬ Станислав Николаевич,
кандидат политических наук, доцент

SHKEL Stanislav Nikolayevich.
Candidate for Doctorate in Political Studies,
Associate Professor

**ПОСТСОВЕТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ В ОТРАЖЕНИИ
СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

**POLITICAL RESHAPING IN THE POST-SOVIET
TIME REFLECTED BY THE CONTEMPORARY
POLITICAL THOUGHT**

В статье проведен анализ становления и развития научных концептов, ставящих своей задачей объяснить логику и причинно-следственные связи постсоветских политических трансформаций. Выделяются три этапа эволюции политической мысли и раскрываются сущностные черты специфики каждого из них. Особое внимание уделено процессам взаимовлияния политических школ российской и зарубежной политологии, а также дискуссионным аспектам теоретического осмысления процесса демократизации в странах постсоветского пространства. Делается вывод, что структурный подход в рамках российской школы политологии, который преобладал на первом этапе, сменился большим теоретико-методологическим разнообразием и попытками адаптации зарубежных концептов.

The paper examined emergence and further evolving of the academic concepts aimed at explaining the logic and cause-and-effect relations within the post-Soviet political reshaping. The study outlined three stages of evolution of a political thought, and disclosed the essential features specific for each stage. Particular attention has been given to procedures of cognitive interference between the academic schools of politics from Russian and foreign political science, and to the disputed aspects of conceptual perceiving of the course of democratic changes across the countries of post-Soviet domain. The study inferred that the structured approach within the framework of Russian school of political studies that prevailed on the first stage was recently replaced by the large conceptual and procedural variety and attempts to adopt some foreign concepts.

Ключевые слова: политические трансформации, постсоветское пространство, политические режимы, демократия, авторитаризм.

Key words: political reshaping, post-Soviet domain, political regimes, democracy, authoritarianism.

Проблема факторов политико-режимных трансформаций в странах постсоветского пространства является одной из самых сложных и дискуссионных. В данной статье рассмотрен процесс эволюции политической мысли касательно концепций политико-режимных трансформаций в странах постсоветского пространства, ставящих своей задачей объяснить логику и динамику политических режимов постсоветских стран, выявить факторы демократизации в одних странах и причины «крушения демократии» в других.

На первом этапе политологи, приступившие к анализу постсоветских трансформаций, разделились на сторонников структурного и процедурного подходов. Если говорить о российских ученых, то в указанный период подавляющее большинство стояли на позициях структурализма, что было связано, вероятно, с большим влиянием марксистской школы, которая по своей методологии может быть отнесена к разновидности структурной теории. Достаточно распространенным мнением стали сентенции о невозможности быстрой демократизации посткоммунистического мира в силу «плохой наследственности», то есть тоталитарных пережитков в политико-институциональной сфере, дефицита демократических ценностей на уровне общественного сознания, неразвитости гражданского общества, отсутствия частной собственности и исторической практики производственной деятельности в условиях рыночных экономических отношений.

Российские обществоведы, отказываясь от формационного подхода как единственного методологического инструментария для объяснения политических трансформаций, первоначально брали на вооружение макротеоии из области историософии, цивилизационные парадигмы и иные концепции, рассматривающие современные политические трансформации сквозь призму детерминант из области «наследия прошлого». Понятно, что обращение к историческому наследию России и многих других постсоветских государств не могло привести к оптимистическим выводам и радужным прогнозам относительно судьбы демократии на постсоветском пространстве.

В последующем на российские политические исследования в области постсоветских трансформаций все большее влияние стала оказывать западная транзитологическая школа, что было выражено в увеличении внимания политологов к процедурным аспектам переходного процесса в постсоветских странах. Так, российская исследовательница О.Г. Харитоновна на основе обобщения базовых транзитологических концепций А. Пшеворского и С. Хантингтона делает вывод, что судьба демократии в переходный период во многом определяется политическими лидерами и выбранными ими стратегиями [4]. Она солидаризируется с тезисом ведущих тран-

зитологов, согласно которому «для последовательной демократизации режима большую роль играет возникновение так называемой патовой ситуации в отношениях режима и его оппозиции, которая не обязательно предшествует распаду, но, наоборот, является как бы инкубационным периодом для выхода из кризиса» [4, с. 77]. В духе концепции «трех консенсусов» Р. Котарело, О. Г. Харитонova делает вывод о важности компромиссных стратегий и переговорного процесса между властью и оппозицией. Если же оппозиция не в состоянии «поступиться принципами» и сесть за стол переговоров со старой элитой, в случае ее победы исход может быть далеко не демократическим. Как указывает исследовательница, «сам лозунг «демократия – для демократов» может привести к негодным попыткам построения демократии недемократическими методами, а в итоге – к так называемой тоталитарной демократии» [4].

От анализа основных стадий и самых общих истоков демократизации ученые перешли к более детальному изучению факторов трансформации на стадии консолидации демократического режима. Весьма показательными в этой связи стали новые работы Ф. Шмиттера, который обратил внимание не просто на роль гражданского общества в процессе демократизации, но высказал предположение, что успех демократии во многом связан с характером и конкретными свойствами гражданского общества, возникающими в процессе политического перехода [6, с. 18]. Ф. Шмиттер обращает внимание также на сравнительно новую современную тенденцию, связанную с возникновением некоего подобия «транснационального гражданского общества», то есть сети международных неправительственных организаций либерально-демократической направленности, ставящих своей целью развитие демократии в других странах. Исследователь отмечает, что этот новый фактор международного характера создает совершенно особый фон и новые возможности для становления национальных гражданских обществ там, где в противном случае они, вероятно, не возникли бы [6, с. 21].

Более развернуто и концептуально проблемы транснационализации гражданского общества и влияние этого фактора на процессы демократизации разработал американский историк и социолог Дж. Маркофф, который описал волны демократизации в историко-международной перспективе. В отличие от Р. Даля и С. Хантингтона, Дж. Маркофф рассматривает приливы и отливы демократии как сущностные черты самого международного становления демократии. Транснациональный характер процесса демократизации обусловлен эффектом конвергенции, то есть влиянием политических процессов, происходящих в одной стране, на подобные процессы в других государствах [8]. По мнению Дж. Маркоффа, институциональный изоморфизм, то есть структурные изменения, порожденные не автономным внутренним процессом, а ответом на окружающую среду, в наибольшей мере проявился в ходе третьей волны демократизации. Это было обусловлено четырьмя внешними факторами: 1) крушением главных альтернативных политических моделей в великих мировых державах; 2) крушением биполярного мира холодной войны; 3) изменениями в структуре мировой экономики; 4) неспособностью стран третьего мира создать легитимные недемократические формы правления [8, с. 18].

Таким образом, в западной политологии исследователи, приступившие к анализу постсоветских трансформаций, все чаще стали обращать внимание на международный фактор политических трансформаций. При этом данная тематика стала одним из самых жарких предметов дискуссий. Дж. Маркофф и его сторонники рассматривали внешний фактор как весьма важный и даже определяющий, особенно в синхронизации демократизации в разных странах. На значимость учета специфики влияния международной среды в контексте посткоммунистических трансформаций обратила внимание и В. Банс, которая отметила не только разницу в степени влияния международного фактора на трансформацию в странах Юга и Востока, но и указала на различие в содержании международного влияния. Она подчеркивает, что «восточноевропейские переходы разворачиваются в международной системе, которая сама находится в переходном состоянии» [7, с. 117]. Демократизация в Южной Европе и Латинской Америке проходила в условиях стабильной международной обстановки, когда международные институты, региональные и мировые державы были готовы способствовать смягчению трудностей перехода. Постсоветские же трансформации начались в условиях высокой степени международной нестабильности, что не могло не оказать совершенно иного, более негативного влияния на процесс демократизации в странах постсоветского блока [7, с. 121].

В отличие от вышеуказанной точки зрения, основные теоретики транзитологической школы, хотя и учитывали роль международного влияния, все же настаивали на том, что роль внешнего фактора в процессе демократизации во всех странах, независимо от их месторасположения, носит вторичный характер. Так, по мнению Г.О' Доннела и Ф. Шмиттера, диффузия демократии, хоть и происходит через международные каналы, но изначально зарождается под

воздействием внутренних факторов. Международная среда в контексте политических трансформаций является лишь передаточным механизмом от одной внутренней политики к другой. При этом Ф. Шмиттер указывал, что внешний фактор имеет более сильный и продолжительный эффект только на стадии консолидации демократии, а не на стадии самого перехода к ней [9].

К дискуссии о роли внешнего фактора в постсоветских политических трансформациях стали подключаться и российские политологи, что являлось еще одним свидетельством интеграции западной и отечественной политических школ, происходившей на современном этапе. При этом в российской политологии появились первые работы, которые от ретрансляции транзитологических схем перешли к их критическому анализу и пересмотру некоторых из положений. Так, например, А.Н. Никитченко обратил внимание на важность внешнего фактора в постсоветских трансформациях, подчеркивая, что «международные отношения и международная политика не являются просто *контекстом* для современного перехода от авторитаризма к демократии. По его мнению, внешний фактор определяет собой «*сущностные* характеристики третьей волны демократизации, ее важные отличия от движения к демократии в XIX в. и в предыдущие десятилетия XX в. Формирование отдельного международного режима демократизации на базе сети «отраслевых» МР есть главная отличительная черта третьей волны демократизации» [3, с. 67].

Несмотря на отдельные критические сужения относительно методологических основ транзитологии, в целом, однако, этот подход продолжал оказывать существенное влияние на политические исследования. Американский политолог М. Макфол проблемы демократизации в России связывал с процедурными аспектами. Анализируя поражение демократических партий на выборах в Государственную Думу в 1993 г., одну из причин этого он видел в последовательности экономических и политических реформ, которая в России была отлична в сравнении со странами Восточной Европы. По его мнению, первые посткоммунистические выборы в России лучше всего было провести сразу же после подавления путча 1991 г.. Политолог обращает внимание на то, что «в тех странах Восточной Европы, где такие выборы были осуществлены немедленно после падения коммунистических режимов, в политическом спектре преобладали либерально-демократические силы, которые и завоевали явное большинство в новых парламентах» [1, с. 127]. Россия же не провела своих «учредительных» выборов непосредственно после падения коммунистического режима. Взамен этого команда Б. Ельцина направила всю свою энергию на проведение радикальных экономических реформ. М. Макфол отмечает, что «эта проволочка привела к формированию иного набора вариантов выбора для российских избирателей, равно как и отличного (а точнее, вызывающего меньший оптимизм) фона, чем это было при проведении первых посткоммунистических выборов в Восточной Европе. Разрыв в два с половиной года между падением коммунистического режима и первыми посткоммунистическими выборами привел к тому, что к декабрю 1993 г. пришли в упадок или исчезли практически все ориентирующие на реформы политические партии, созданные в 1990–1991 гг.» [1, с. 127]. Напротив, на фоне ухудшения социально-экономической обстановки существенного усиления добились коммунистические и националистические силы, что и продемонстрировали результаты парламентских выборов 1993 г. В итоге процесс дальнейшей демократизации в России стал отягощен значительными трудностями, чего в странах Восточной Европы удалось избежать.

Указанные тезисы получили развитие в концепции Л. Шевцовой, которой также был свойственен компаративистский подход и сравнение российского перехода с опытом стран Восточной Европы. При этом особое внимание уделялось процедурным аспектам и субъективным факторам, связанным с действиями и стратегиями политических лидеров и элит. Так, она указывает, что «успешный (или относительно успешный) переход к демократии в странах Южной Европы, Латинской Америки, а недавно Центральной Европы явился следствием сочетания нескольких факторов – наличия сильного лидера, сделавшего реформы основным либо единственным средством своего политического выживания; массовой поддержки реформ снизу; консенсуса ведущих элит по вопросам основных направлений общественного развития» [5, с. 81–82]. По мнению исследовательницы, в России из этого набора предпосылок в наличии была только одна – это довольно широкая поддержка реформаторского курса со стороны общества в период 1991–1992 гг. Что касается лидера в лице Б. Ельцина и доминирующих российских элит, то они показали свою неспособность к компромиссным стратегиям, что привело к невозможности заключения демократического пакта, который в других странах явился основным гарантом

посттоталитарной трансформации. Как указывает Л. Шевцова, «в России осознанная, открытая и институционализированная политика пактов была подменена закулисными сделками элитных групп, заключенными исключительно в целях самовыживания и максимальной реализации эгоистических интересов» [5, с. 82].

В своих последующих работах Л. Шевцова на примере России систематизировала основные факторы трансформации в условиях постсоветского транзита, разделив их на объективные и субъективные. К первым из них она относит: 1) политические традиции и обусловленные ими типы политического лидерства и политической легитимации; 2) характер и методы поставторитарной трансформации; 3) слабость национальной целостности постсоветских государств; 4) особенности социально-экономической структуры общества и фактор сырьевого сектора экономики; 5) отсутствие прочной социальной поддержки реформаторского курса, «среднего класса» и гражданского общества; 6) уровень международной поддержки демократизации [5, с. 485–498]. К субъективным факторам исследовательница причисляет: 1) представления о власти и политические привычки правящего класса; 2) искаженные представления о демократии в среде интеллектуальной элиты из демократического лагеря; 3) личные качества первых лиц постсоветских государств [5, с. 498–502].

Несколько иначе факторы постсоветских трансформаций оценивал российский ученый А.Ю. Мельвиль. С его точки зрения, опыт России и других государств бывшего СССР не позволяет однозначно свести все к процедурным аспектам и заставляет взглянуть на эти процессы под несколько иным углом зрения. Ученый задавался вопросом: «если формальные институты (по крайней мере их внешние признаки) существуют, достаточно ли их для того, чтобы та или иная последовательность действий политических игроков создала, "творила" демократию?» [2, с. 126]. Российский политолог пришел к выводу, что при всей важности процедурной стороны демократического «перехода» и необязательности наличия социально-экономических и культурно-ценностных предпосылок демократии для самого *начала* процесса демократизации все же крайне важным является то конкретное содержание, которым эти процессы наполняются. А это, в свою очередь, зависит от тех условий, которые складываются в обществе. По мысли А.Ю. Мельвиля, условия в таком расширительном смысле столь же важны, как и процедуры. Важность представляет то реальное общественное содержание формальных политических процедур, которым они (процедуры) наполняются в зависимости от имеющихся в обществе условий. В этой связи, с точки зрения автора, перспектива демократизации в России и других государствах постсоветского пространства «будет зависеть не только от формальных и по видимости демократических процедур (таких, как, например, выборы), но и от формирования социальных, экономических, культурно-ценностных и иных содержательных предпосылок демократии» [2, с. 128].

Таким образом, на первом этапе развития политической мысли сохранялась конкуренция между традиционными подходами – структурным и процедурным – сформировавшимися еще на основе анализа политического транзита западных стран. Аналитики постсоветских трансформаций взяли их на вооружение и пытались проецировать на эмпирическую основу стран бывшего СССР. На втором этапе появились первые попытки синтезировать структурный и процедурный подходы. На современном этапе можно говорить об углублении и интенсификации этого процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гудименко Д.В. Политическая культура России: преемственность эпох // Полис. – 1994. – № 2. – С. 156–164.
2. Красин Ю.А. Долгий путь к демократии и гражданскому обществу // Полис. – 1992. – № 5-6. – С. 97–105.
3. Макфол М. Осмысление парламентских выборов 1993 г. в России // Полис. – 1994. – № 5. – С. 127–134.
4. Мельвиль А.Ю. И вновь об условиях и предпосылках движения к демократии // Полис. – 1997. – № 1. – С. 126–130.
5. Мигарян А., Клямкин И. Нужна «железная рука»? // Литературная газета. – 1989. – 16 августа.
6. Никитченко А.Н. Транснационализация демократии (Третья волна демократизации в свете теорий международных отношений) // Полис. – 1996. – № 5. – С. 54–60.
7. Пантин И.К. Драма противостояния демократия / либерализм в старой и новой России // Полис. – 1994. – № 3. – С. 75–94.
8. Пастухов В.Б. Будущее России вырастает из прошлого // Полис. – 1992. – № 5–6.
9. Пастухов В.Б. От государственности к государству: Европа и Россия // Полис. – 1994. – № 2. – С. 6–25.
10. Харитонова О.Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Полис. – 1996. – № 5. – С. 73–80.
11. Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. – М.: Московский Центр Карнеги, 1999. – 315 с.
12. Шевцова Л.Ф. Дилеммы посткоммунистического общества // Полис. – 1996. – № 5. – С. 79–82.

13. Шмиттер Ф. Размышление о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. – 1996. – № 5. – С. 16–27.
14. Bunce V. Should Transitologists Be Grounded? // Slavic Review. – 1995. – № 54 (1).
15. Markoff J. The Great Waves of Democracy in Historical Perspective. – N.Y., 1994.
16. Markoff J. Waves of Democracy: Social Movements and Political Change. – London, 1996.
17. O'Donnel G., Shmitter Ph. Transitions from Authoritarian rule: Prospects for Democracy. – Baltimore, 1986.

REFERENCES

1. Gudimenko D.V. The political culture of Russia: Continuity epochs. *Polis*. 1994. No. 2. P. 156–164.
2. Krasin Y.A. The long road to democracy and civil society. *Polis*. 1992. No. 5–6. P. 97–105.
3. McFaul M. Understanding the parliamentary elections in 1993 in Russia. *Polis*. 1994. No. 5. P. 127–134.
4. Melville A.Y. Again, on the conditions and prerequisites for democracy movement. *Polis*. 1997. No. 1. P. 126–130.
5. Mhranyan A., Klyamkin I. Need "iron hand"? *Literary Gazette*. 1989. 16 August.
6. Nikitchenko A.N. Transnationalization of Democracy (Third Wave of Democratization in the light of theories of international relations). *Polis*. 1996. No. 5. P. 54–60.
7. Pantin I.K. Drama opposition democracy. liberalism in the old and the new Russi. *Polis*. 1994. No. 3. P. 75–94.
8. Pastukhov V.B. Russia's future grows out of the past. *Polis*. 1992. – № 56.
9. Pastukhov V.B. From state to state: Europe and Russia. *Polis*. 1994. No. 2. P. 6–25.
10. Kharitonov O.G. Genesis of Democracy (Trying reconstruction Transitological logic models). *Polis*. 1996. No. 5. P. 73–80.
11. Shevtsova L. Boris Yeltsin's regime. *Moskva: The Carnegie Moscow Center*, 1999. 315 p.
12. Shevtsova L. Dilemmas of post-communist society. *Polis*. 1996. no 5. P. 79–82.
13. Schmitter F. Reflections on civil society and democratic consolidation. *Polis*. 1996. no 5. P. 16–27.
14. Bunce V. Should Transitologists Be Grounded?. *Slavic Review*. 1995. no 54 (1).
15. Markoff J. The Great Waves of Democracy in Historical Perspective. *N.Y.*, 1994.
16. Markoff J. Waves of Democracy: Social Movements and Political Change. *London*, 1996.
17. O'Donnel G., Shmitter Ph. Transitions from Authoritarian rule: Prospects for Democracy. *Baltimore*, 1986.

Информация об авторе

Шкель Станислав Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета, Уфа, Россия

Получена: 01.12.2014

Information about the author

Shkel Stanislav Nikolayevich, Candidate for Doctorate in Political Studies, Associate Professor at the Chair of Political Studies, Sociology and Public Relations, Ufa State Petroleum Technologies University (USPTU). Ufa city, Russia

Received: 01.12.2014